

Антон Малютин

Продавец снов

18+

АНТОН МАЛЮТИН

ПРОДАВЕЦ СНОВ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Малютин А. О.

Продавец снов / А. О. Малютин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Во сне один за другим умирает несколько миллионеров Бигтауна, оставляя свои тела с разорванными сердцами и застывшими гримасами ужаса на лицах в креслах сомнопроекторов. Полиция видит здесь лишь череду случайных смертей, но есть человек, который ставит эту версию под сомнение – частный детектив Джонсон. Детектив уверен, что это убийства, и идет по следу странного убийцы, в существование которого больше никто не верит.

© Малютин А. О., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	10
5	12
6	14
7	16
8	21
9	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Антон Малютин

Продавец снов

1

... Неестественно выгнутое тело судовладельца было приковано к креслу сомнопроектора, на его белом мертвом лице застыла страшная гримаса ужаса. Вытаращенные глаза и скривившийся рот пугали и могли нагнать страх на кого угодно, поэтому голову миллионера заботливо накрыли белой простыней.

Над трупом склонился человек в старом бежевом плаще, на котором кое-где виднелись темные пятна, оставленные каплям дождя, и сдвинутой на затылок черной шляпе. Человек, приподняв простыню, с интересом рассматривал лицо мертвеца.

– Джонсон, какого черта вы здесь делаете?! – голос инспектора прогремел над самым ухом детектива.

Джонсон не спешил отвечать на гневный вопрос инспектора, будто того и не существовало вовсе. Он еще несколько секунд вглядывался в стеклянные глаза трупа, затем аккуратно закрыл простыню, выпрямился, достал сигарету, прикурил. Наконец, посмотрел на закипающего от злости инспектора.

– Провожу расследование, разве вы не видите? – сказал Джонсон ровным и спокойным голосом. Таким, каким обсуждают яичницу и утренние новости. Эта манера общения и озорной блеск темно-серых глаз раздражали инспектора. Впрочем, инспектора бесило все в этом молодом детективе, который вечно сует нос в не свои дела.

– Кто вам дал право? Как вы сюда попали? Убирайтесь ко всем чертям, Джонсон! А вам я – инспектор обратил гневный взгляд на две темные фигуры полицейских у входа – по-моему, ясно приказывал не пускать сюда этого типа!

Полицейские что-то пробурчали себе под нос, но внятного ответа от них уже не получишь – этот пройдоха Джонсон смог запудрить им мозги, и сейчас что-то требовать с этих мозгов просто бесполезно. Дубины, а не полицейские.

– Инспектор, не волнуйтесь – это вредно для здоровья. Ваши растяпы так хорошо охраняют место преступления, что любой зевака может бет труда сюда проникнуть. А по поводу права... Вы же знаете, что мне не нужны ваши официальные разрешения. Я сам даю себе право на то, что считаю нужным. А относительно моего присутствия здесь... – Джонсон замолчал и окинул взглядом комнату. – Оно уже излишне. Я узнал все и теперь вынужден покинуть вас, инспектор.

С этими словами Джонсон пустил в потолок облако ароматного дыма, приподнял шляпу в знак прощания, и вышел, шелестя своим плащом. Когда детектив исчез в черноте дверного проема, инспектор разразился проклятиями, адресованными не столько Джонсону, сколько нерадивым подчиненным.

Джонсон любил поиграть на нервах инспектора – это забавно. И забавным становится то, что за последний месяц уже трое умерли в кресле сомнопроектора. Не то, чтобы это было редкостью – в Бигтауне каждый день находят умерших во сне, в мягки объятиях машин сновидений. Но эти три смерти – особенные. Все трое были богаты, все трое, судя по их вытаращенным глазам, испытали смертельный страх, все трое страдали по-настоящему. Либо это чудовищная случайность, либо... Либо это закономерность, еще более чудовищная, чем случайность.

Холодная капля упала прямо на сигарету, и та с шипением потухла. Проклятый дождь льет третий день, никакого просвета не видать. Джонсон достал новую сигарету и, укрываясь от дождя, прикурил снова.

Интересно, можно ли убить сном? И каким должен быть сон, чтобы навредить человеку, или даже убить его? На пленках, найденных в машинах у первых двух погибших, были самые обычные детективные сны, даже не триллеры – их просмотрело несколько полицейских и экспертов, и с ними ничего не произошло. Один из снов видел и Джонсон – ничего особенного, вполне обычная, даже в чем-то банальная история, не вызывающая не то, что страха, но даже и испуга. Только жаль, что в чужих снах невозможно увидеть лиц, а ведь это могло помочь.

Может, это не сомнопроектор? Хм. Пожалуй, это можно использовать как прикрытие. Но для чего? Ограбление? Нет, ведь из домов убитых ничего не пропало, даже лежащие на виду драгоценности. Убийство из ревности или ради наследства? Кажется, и эти версии придется отбросить – ни по одному из дел не найдено подозреваемых. Все, кто мог хотя бы гипотетически иметь отношение к убийству – жены, дети, любовницы и любовники, прислуга, сотрудники, даже садовники – имеют железобетонное алиби.

Есть только одна разумная версия – устранение конкурентов. Но кто из бизнесменов готов так себя подставить? Хотя большие деньги толкают людей и не на такие поступки. Надо бы почитать деловую прессу, может кому-то эти три смерти действительно были только на руку.

А что было орудием убийства? Судя по вытаращенным глазам – это страх. Н как напугать трех здоровых людей, которые сами кого хочешь напугают? Вопросы, сотни вопросов без ответов.

А может... Может это действительно случайность? Жаль, что чужие сны, созданные по индивидуальному заказу, видятся нам совсем по-другому. Очень жаль...

2

... – Джонсон?! Что вам надо, черт вас побери!

– Доброй ночи, инспектор. Не стоит чертыхаться – говорят, это вредно для здоровья. Надеюсь, я вас не разбудил?

– Бросьте свои шуточки! Как вы вообще посмели звонить мне, да еще и в такое время?!

– Посмел? Допустим, посмел. Но сделанного, к сожалению, не воротишь. А раз вы уже проснулись, задам всего лишь один вопрос.

Инспектор хрипло рассмеялся в трубку.

– Джонсон, ха-ха-ха! Все-таки вам потребовалась помощь полиции. Детективное чутье подвело? – Инспектора порадовали слова детектива, который всегда ищет повод оставить полицию в дураках. Значит, этот Джонсон не такой уж и всесильный.

– Ну ладно вам, поглумитесь потом. Лучше скажите – снова разрыв сердца?

На том конце провода повисла гнетущая тишина, нарушаемая недовольным сопением инспектора и электрическими шорохами.

– Откуда вы знаете?

– Ниоткуда, просто предположил. Вы же не пускаете меня к телам, так что мне остается только предполагать.

– Предположили?! И вы подняли меня только ради этого!? Вы сумасшедший, Джонсон.

– Ну что вы, инспектор, не только ради этого. Может мне захотелось вновь услышать ваш голос, а то черт его знает, когда произойдет следующее убийство.

– Убийство?! Что вы несете, это несчастный случай! Вам везде мерещатся убийцы и маньяки, даже там, где их нет и быть не может.

– Как знать, как знать...

– Джонсон! Не морочьте мне голову. Или вы что-то знаете?

Детектив ничего не ответил, и инспектору пришлось слушать легкий треск эфира и какой-то шелест.

– Джонсон!

– Спокойной ночи, инспектор. С вами всегда приятно побеседовать.

– Джонсон! Только не бросайте трубку! Джонсон!..

Детектив положил трубку, и уже не слышал, как инспектор брызгал слюной, понося Джонсона на чем свет стоит.

Снова разрыв сердца. Испуг. Смертельный испуг. М-да, интересно. Значит, сон может убить. Прекрасно. Но как? Сомнологи, врачи, психологи, наконец, сами продавцы говорят, что сны – это совершенно безопасно. А выходит, что не безопасно. М-да...

Джонсон отхлебнул виски, глубоко затянулся, вдавил окурок в переполненную пепельницу, достал новую сигарету, снова прикурил. Огонь разогнал царивший в комнате сумрак, на мгновение осветив усталое лицо детектива. Надо подумать, надо подумать, черт побери...

3

В информатории царила тишина, которую не нарушала даже расположенная неподалеку ветка метрополитена. Редкие для этого времени суток посетители терялись в полусумраке больших, уставленных шкапами и проекционными экранами комнат, и небольших индивидуальных камер, отделенных друг от друга перегородками.

Джонсон сидел за столом в одной из камер. Желтоватый свет полукругом падал на стол, но почти не освещал лицо детектива. Щетина и темные круги под глазами выдавали не меньше трех бессонных ночей. Но Джонсон и думать не думал обо сне – сейчас совершенно не до этого. Но когда придет время, он сполна удовлетворит физиологическую потребность в долгом, глубоком и здоровом сне.

Так-так-так. Три мертвеца. Три богатых мертвеца. Три разрыва сердца, три смерти во сне, три смерти от страха. Что о себе могут сказать сами мертвецы?

Перед Джонсоном лежат три тонких папки. В каждой из них – вся публично доступная информация об умерших. И кое-что, неизвестное широкой общественности. Жаль, что инспектор ни в какую не идет на контакт, пришлось действовать своими методами.

Что вы скажете о себе, мистер Бигль? Вы вышли из простой, даже бедной семьи, в которой были пятым ребенком. Вы росли, учились, работали, потеряли родителей и всех братьев в страшной катастрофе «Океании», снова работали, работали... Какая скучная жизнь была у вас, мистер Бигль, я бы на вашем месте повесился.

Ага, а потом вы каким-то невообразимым образом стали опекуном юного мистера Хиггинса, чьи погибшие в авиакатастрофе родители-миллионеры приходились вам родней. Признаться, вам повезло: погибший кузен оставил вам не просто племянника, не ярмо на шею, а денежный мешок, но... Ах, да, только вы не имели никаких прав на деньги! Признаться, я вам их тоже не оставил бы. А что это у нас тут? Восемь лет назад ваш племянник куда-то запропастился, и спустя год вы получили все его состояние? Поздравляю, мистер Бигль, вот это удача.

Джонсон отложил папку, из которой своим хитрым прищуром смотрел пышущий здоровьем мистер Бигль. Детектив достал сигарету, прикурил, заполняя густым сизым дымом и без того темную каморку.

– Мистер Джонсон, у нас не курят.

Сьюзан. Сотрудница информатория, в котором Джонсон бывал часто, а поэтому считался «своим». Но даже своим курить здесь запрещено. А жаль. Но бархатный голос Сьюзан, тихий и приятный, сглаживал досаду от этого правила. Детектив, с улыбкой глядя на тонкую, подчеркнутую блузой и облегающей юбкой фигуру Сьюзан, отправил едва начатую сигарету в вежливо подставленную пепельницу.

– Больше не буду, Сьюзан. Честно.

Девушка улыбнулась и вышла, оставив детектива наедине с тремя тонкими папками.

Миссис Дайсон. Вдова Дайсон. Совсем еще молодая и чертовски красивая миллионерша, чье состояние крутится на биржах, инвестируется, раздается в кредиты странам третьего мира и постоянно растет. Ваш муж был прирожденным бизнесменом. Поговаривали, что он обладал даром провидения, на чем и сколотил состояние. И по удивительной случайности мистер Дайсон вышел замуж за самую красивую девушку, дочь мелкого торгаша, потерявшего все в кризисные годы.

Умна, красива, воспитана – что еще нужно от жены миллионера? Все бы хорошо, но ваши любовные связи, миссис Дайсон, портили репутацию мужа, который и сам был тот еще ходок. Разумеется – газеты врут, и вы уличили их во вранье, заставив принести официальные заявления и несколько миллионов – моральный ущерб ныне дорог.

И вдруг ваш муж скоростно погуб. Вы отдыхали на вашей роскошной яхте, и на глазах почти у всей команды – а это две дюжины матросов и капитан! Мистер Дайсон неудачно поскользнулся упал за борт. И как-то так получилось, что ни сам миллионер, ни его тело не всплыли на поверхность, и целых две недели поисков не дали никаких результатов.

Изумительно. Вы засудили бедного матроса, драившего палубу, на которой и поскользнулся мистер Дайсон. Но уже через полгода морячка выпустили, и... И сейчас он владеет собственной яхтой, на которой катает дорогих гостей. Да, недурная у парня карьера.

Джонсон откинулся в кресле, хотел закурить, но вовремя опомнился. Детектив уже не сомневался, что и в третьей папке будет странная смерть. Или исчезновение. В результате которого третий мертвец – судовладелец мистер Бэнкс – получит немалое состояние. Что ж, глянем.

Мистер Бэнкс. Выходец из рабочей семьи. По окончании школы отправился трудиться на верфи Хоппера. А вы талант, мистер Бэнкс, за три года прошли путь от простого рабочего до директора одного из заводов, и еще через два года вошли в совет директоров верфей Хоппера. И вы были на хорошем счету у самого мистера Хоппера, бывали у него в гостях и дружили с его дочерью.

И вот здесь вам подвернулась небывалая удача – во время деловой поездки мистер Хоппер бесследно исчезает, и через пять месяцев вас выбирают новым президентом компании. И это оправдано: Хоппер и сам выбрал бы вас своим преемником. А может и выбрал? Хм, история об этом умалчивает.

Мистер Бэнкс, а вы, оказывается, были дельцом и махинатором! За последние четырнадцать лет вы сумели выкупить почти все акции верфей Хоппера, став их единоличным владельцем! Ага, а куда это у нас делись тринадцать бывших акционеров? Никто не знает? Или никто, кроме вас, мистер Бэнкс? Но вот беда: полиция не нашла ни единого повода уличить вас в чем-либо, противоречащем законам. Ни единого, и это делает вам честь.

Итак, дамы и господа, вы все были невероятно удачливы, но все ваше богатство заработано честным и законным путем – ни одному полицейскому не подкопаться, все чин чинном. Вы все разные, но все так похожи. И даже умерли одной смертью. Что же вы такого сделали, что пали жертвой снов? Жаль, что вы больше не можете разговаривать...

4

... – Кто вы?

В узкую щель между дверью и косяком смотрел человек с грязными взъерошенными волосами, небритыми щеками и недобрыми, почти черными глазами, в которых, казалось, можно утонуть и попасть в самые глубины ада. Картину дополнял неприятный хриплый голос, хозяин которого не считал нужным скрывать раздражение и презрение ко всему миру.

– Я от мистера Эванса.

Женщина, спрятавшая лицо в глубоком капюшоне темно-серого плаща, говорила почти шепотом, в ее дрожащем голосе чувствовался испуг.

– Что вам нужно?

Женщина удивилась. Она думала, что здесь не придется говорить об этом.

– С-сон. Вы же занимаетесь этим?

– Понятно, что сон! Что конкретно? Я что, должен гадать? Я не гадалка! Или говорите, что вам нужно, или убирайтесь!

Женщина поняла, что от нее хочет этот неприятный немолодой человек. Она открыла сумочку, достала конверт, протиснула его в щель. Цепкая рука схватила конверт, с силой выдрал его из белых, ухоженных и униженных колец пальцев.

Хам.

Через секунду дверь с грохотом закрылась.

Женщина удивилась такому повороту событий.

– А... А когда я получу то, за чем пришла? – крикнула она скрывшемуся за дверью неприятному собеседнику.

– Не знаю. – гулко послышалось с той стороны. – Это не мое дело. Можете спросить у Эванса. А сейчас убирайтесь, не мешайте мне!

Кажется, женщина уже сто раз пожалела о своем визите к этому странному человеку. Но о нем говорит вся городская богема, к нему ходят политики и бизнесмены, у него, говорят, были даже мэр и его любовница, а последнее обстоятельство говорит о многом. И никто еще не остался недоволен товаром мистера Хеллроада. И никто не пожалел об уплаченной сумме.

А за дверью, незаметно расположившейся на темной лестничной площадке третьего этажа старого кирпичного дома где-то на краю Бигтауна, находилась тесная квартирка с кухней и крохотной комнатой, единственное окно которой было наглухо закрыто грязной и выцветшей тряпкой. Комната едва освещенной тусклой спиралью древней лампочки, висящей на гнущем проводе под самым потолком. Вся обстановку комнату составляет узкая железная кровать и стол.

А на столе стоит нечто, резко контрастирующее с окружающей обстановкой. Это новейший сомнограф самой фантастической конструкции, которой позавидовали бы модные дизайнеры-модернисты. Два металлических ящика, соединенных проводами, блестели десятками ручек управления, светились желтоватой подсветкой стрелочных приборов и красными огоньками пузатых ламп. Из одного ящика выходит толстый белый провод, оканчивающийся полусферическим шлемом, и полдюжины тонких проводов с датчиками. Хром и стекло, адский свет и теплый ламповый уют – по всему видно, что аппарат изготовлен не на заводе, а создан по особому заказу, и собран вручную. Не все продавцы снов могут себе такое позволить.

Мистер Хеллроад, завернутый в темно-синий махровый халат, прошлепал босыми ногами по скрипучему дощатому полу в комнату, сел на кровать, вскрыл конверт. В неясном свете лампочки читать было сложно, но Хеллроад особо и не старался понять все, что написала эта немолодая женщина. Ему нужна только суть. Только то, что люди оставляют между строк, спрятав за красивыми словами и витиеватыми оборотами.

Мистер Хеллроад с четверть часа сидел на кровати, изучая записку. Его взгляд прожигал бумагу насквозь, суматошно прыгая с буквы на букву. Казалось, еще немного, и письмо вспыхнет в жилистых пальцах.

Записка говорила с мистером Хеллроадам. Только он слышал предательские голоса бумаги и чернил, рассказывающие о самых сокровенных мечтах, фантазиях и тайнах миссис Винкерс, пожелавшей получить самый изысканный, самый удивительный и фантастический сон в своей жизни. В этом сне немолодая уже женщина хотела снова обрести молодость и прожить жизнь так, как этого не могло случиться в реальности.

Ну что же, миссис Винкерс, ваше желание понятно, и оно осуществимо. Нет таких снов, которых не мог бы создать мозг мистера Хеллроада.

Записка упала на пол, где ее ждали десятки других, написанных на обычной, на серой, на цветной бумаге, на бумаге с вензелями и даже на бумаге, нежно пахнущей изысканными духами. Теперь это не больше, чем обрывки чужих желаний, воплощенных мистером Хеллроадам. Сам же Хеллроад считал все это мусором, недостойным даже того, чтобы отправиться на помойку.

Мужчина встал, в задумчивости походил по комнате, разбрасывая ногами бумажки, затем неожиданно повернул в прихожую – там на стене висел древний телефон, еще более грязный, чем все остальное в этом доме. Пальцы набрали привычный номер, и пришлось ждать долгих три гудка, пока на том конце провода соизволили снять трубку.

– Эванс? Мне нужен стимулятор, но только хороший, а не то дерьмо, что ты привез в прошлый раз. Да-да, буду работать. Конечно, все, как и договаривались. – недолгая пауза. – И еще, Эванс, принеси мне газеты с упоминанием миссис Винкерс. Да, черт тебя побери, я не читаю газет, и никогда не буду читать, поэтому принеси мне все, где хотя бы полслова есть про эту женщину! Иди ты к черту, Эванс!

Мистер Хеллроад с силой повесил трубку на рычаг, отчего телефон издал короткое жалобное «дзынь!», и сам удивился тому, что остался цел после такого удара судьбы.

– Ну не читаю я это дерьмо, мне и своего хватает! – бурчал себе под нос мистер Хеллроад по пути в комнату. – Если попросил, значит надо, и нечего вопросы задавать. Что-то Эванс в последнее время мне нравится все меньше и меньше. Может настала пора поменять дилера? Хм, а где в наше время найдешь хорошего дилера?..

Мистер Хеллроад был зол. Впрочем, этот человек почти всегда был зол, или взбешен, или просто не в духе, а радовался он лишь однажды в глубоком детстве. Хотя он уже и не помнил, было ли у него это детство. Да и вообще – что такое детство? Ай, к чертям все это, надо бы поспать, вчера была трудная работенка, да и сегодня намечается нелегкая. Но миссис Винкерс останется довольна, это уж точно.

5

... – Тим, мне нужно заглянуть в чужой сон.

Джонсон, задрал ноги в пыльных ботинках, лежал на узкой короткой кушетке, нещадно курил и смотрел в облупленный потолок. Кушетка стояла у большого окна такой же большой комнаты с тремя столами у стен, уставленными разнообразными электрическими, химическими и механическими приборами. Над столами висели гроздь инструментов, проходили какие-то трубки и разноцветные провода. Один стол нес на себя вытяжной шкаф, который сейчас был закрыт, и за стеклами его дверец клубился густой сизый дым.

– Так в чем проблема? – раздалось из-за дальнего стола – возьми, да... – за натужным голосом раздался скрежет и железный лязг. – ... да посмотри. У тебя что, своего сомнопроектора нет?

У стола раздался грохот, будто на бетонный пол упало что-то небольшое, но тяжелое. К кушетке подошел тощий паренек в сером, местами покрытом разноцветными пятнами и разводами халате, снял защитные очки, взъерошив густые светлые волосы, потер щеку, оставив на ней черную масляную полоску, и, наконец, плюхнулся в стоявшее рядом большое кресло.

– Нет, Тим. – выпуская дым произнес Джонсон – Ты не понял. Мне нужно увидеть сон глазами его заказчика.

Тим удивленно посмотрел на детектива.

– Но это невозможно, ты же знаешь.

– Да знаю... – протянул Джонсон, глядя в потолок. – Или возможно? А, Тим?

Джонсонс неожиданно повернулся в сторону Тима, посмотрел ему прямо в глаза.

– Ох, н-не люблю я, когда ты так на меня смотришь – начал заикаться Тим. – И зачем тебе в чужой сон?

– Ну-у... – Джонсон снова уставился в потолок. – Просто хочу посмотреть чужой сон. Интересно же.

– Конечно, рассказывай. Знаю я тебя! Ты никогда и ничего не делаешь просто так. – Тим подскочил с кресла, подошел к окну, но открывающийся отсюда вид города его совершенно не интересовал. – Хотя чего я у тебя спрашиваю? Это невозможно, поэтому что бы ты ни задумал – брось. Увидеть чужой сон в деталях невозможно.

– Ну ладно, Тим, невозможно, так невозможно, не надо на меня так смотреть. Я просто спросил.

Джонсон докурил сигарету, встал с кушетки, тоже выглянул в окно – там был город. Серые громады домов с тысячами черных окон, змеящиеся дороги, провода, машины, яркая неоновая реклама, редкие пешеходы – все укрыто холодной пеленой мелкого дождя, идущего уже целую неделю. Этот город словно раздавлен бесцветной ватой облаков, медленно-медленно движущихся на запад. Грустная погода, грустные люди, грустный город.

– Пойду я, Тим, а то засиделся. – Джонсон взял с вешалки плащ и шляпу, и не попрощавшись вышел из лаборатории.

Признаться честно, Джонсону нравился Тим, нравилось с ним общаться и пить пиво по пятницам – рядом с его лабораторией есть отличный бар, а так как Тим виски не пьет, то Джонсону приходилось вместе с ним тянуть самое дешевое пиво из коричневых бутылок с косо приклеенными этикетками. Но сейчас присутствие детектива здесь было излишним – оно могло нарушить все планы и не дать прорасти как бы случайно зароненному зерну сомнения.

Поэтому Джонсон просто и незатейливо покинул лабораторию, оставив Тима наедине с самим собой, и отправился в этот самый бар, где можно посмотреть на озлобленные лица работяг и красивых девочек. Или просто послушать музыку наедине со всем городом. Как-

то нужно занять время, пока Тим будет думать, а это может длиться дольше, чем хотелось бы Джонсону.

6

Мистер Хеллроад сидел на заваленном бумажками полу своей комнаты. Его не смущала ни грязь, ни беспорядок, ни сумрак, напротив – этот человек, никогда не снимавший своего старого халата, органично вписывался в свой тесный мирок, наполняя его хотя бы какой-то жизнью. Мистер Хеллроад работал, и весь мир сейчас не имел никакого значения. Да и как все это может иметь хотя бы какое-то значение, если никто не может дать никаких гарантий, что окружающий мир – не иллюзия, не игра фантазий, не чей-то изощренный, яркий и безумно детальный сон? Таких гарантий не мог дать никто. Даже сам мистер Хеллроад – признанный мастер изысканных сновидений для избранных.

Мистер Хеллроад сидел на грязном полу своей темной комнаты. Перед ним лежала разворошенная куча газет и журналов, многие из которых были старые, но старые газеты – это даже лучше, чем новые. Иногда они рассказывают столько интересного, что в новых газетах и не встретишь. Старые газеты хранят память даже тогда, когда люди ее уже потеряли, и забывчивость людей часто их подводит, потому что старые газеты никогда не забывают. Хотя и они, признаться, иногда любят приврать.

Грязные узловатые пальцы брали газету, разворачивали, сминали старую бумагу, переворачивали листы, искали нужную полосу. Мистер Хеллроад быстро просматривал газету, отыскивая то, что нужно. Ага, вот и она, миссис Винкерс. Еще мисс Уотсон. Еще молодая, но уже удачно замужняя. Еще красивая, но уже несчастная. Потому что ее семья, родители и две младшие сестры, пропали. Просто исчезли, и полицейские за целый год ничего не нашли. Никаких следов, никаких свидетелей. Ничего.

Мистер Хеллроад едва заметно улыбнулся, разглядывая плохонькую фотографию миссис Винкерс в старой газете. Крупный растр мешал разглядеть детали, но несчастье, написанное на лице молодой девушки, было отлично видно. Даже слишком. Даже для юной особы, недавно потерявшей семью и пару недель назад вышедшей замуж.

Последняя прочитанная газета, достойно сослужив свою службу, ненужным клочком мятой бумаги с шелестом полетела на пол. Мистер Хеллроад, не обращая внимания на затекшие от сидения на полу ноги, встал и неуклюже прошелся по комнате, что-то обдумывая в своей нечесаной голове.

– А вы занятная особа, миссис Винкерс. – произнес вслух мистер Хеллроад. – Занятная...

Наконец, мистер Хеллроад подошел к столу с сомнографом – блестящий аппарат будто ждал своего хозяина, ждал, чтобы получить и записать очередную порцию сновидений, которых так не хватает простым людям. И которые принесут мистеру Хеллроаду и благородному мистеру Эвансу неплохие барыши.

Пара щелчков выключателей, стрелки дернулись и быстро побежали по своим подсвеченным шкалам. Трансформаторы, скрытые под железными кожухами, дружно загудели, наполнив комнату мерным низким гулом. Где-то внутри ламп, выставивших напоказ свои пузатые стеклянные баллоны, красными угольками начали тлеть катоды, испускающие невидимые лавины электронов.

Мистер Хеллроад открыл кожух у одного из ящиков сомнографа – там скрывались шпиндели лентопротяжного механизма, магнитные головки и множество колесиков. Быстрыми и уверенными движениями Хеллроад зарядил в аппарат чистую пленку на небольшой бобине, все проверил, закрыл кожух. Затем он очень аккуратно покрутил несколько черных ручек, пока стрелки на индикаторах не встали точно на свои места. Где были эти места – знал только хозяин этого чуда техники, и даже инженер, создавший сомнограф, не смог бы настроить аппарат лучше.

Закончив настройку, Хеллроад выпрямился и несколько секунд смотрел на сомнограф. Затем взял шлем, связку проводов с датчиками, и сел на скрипучую кровать. Несколько минут потребовалось на то, чтобы пристроить шлем на голове, и прикрепить на руках, груди и шее несколько детекторов на присосках.

Все готово. Мистер Хеллроад открыл маленькую жестяную коробочку, стоявшую на столе, достал оттуда тонкую белую пластинку, похожую на маленькую почтовую марку, посмотрел на нее с двух сторон, и быстро положил на язык. Теперь осталось просто лечь и ждать. Ждать, когда придет хороший сон специально для миссис Винкерс. Только для миссис Винкерс, и ни для кого более.

Мистер Хеллроад снова улыбнулся, уже предвкушая то, что увидит в своем сне миссис Винкерс. Но скоро эта улыбка сошла с лица, на котором застыла маска спокойствия и холодности. Мистер Хеллроад, на мозг которого начал действовать нейростимулятор, спал и видел сон. Он работал.

Всего сорок минут потребовалось мистеру Хеллроаду для записи сна. Все эти сорок минут сомнограф беспристрастно записывал видения, приходившие в мозг этого человека под действием стимулятора и собственной фантазии. А когда сон подошел к своему логическому финалу, Хеллроад проснулся. Просто резко открыл глаза, глубоко вздохнул, сел на кровати, несколькими движениями содрал датчики и шлем с головы.

Окончательно проснувшись, мужчина подошел к сомнографу, осмотрел его, бросил несколько взглядов на индикаторы, и, наконец, выключил. В комнате снова наступила тишина. Хеллроад открыл кожух, аккуратно достал бобины с пленкой, которые тут же отправились в старый серый чемоданчик, валявшийся под столом. Казалось, человека не беспокоила дальнейшая судьба пленки. В общем-то, так оно и было – перемотку и красивую упаковку сделает мистер Эванс, это его работа. И с помощью мистера Эванса эта пленка на днях попадет в руки миссис Винкерс, которая по достоинству оценит работу мистера Хеллроада.

А мистер Хеллроад, не обремененный какими бы то ни было обязательствами, мог спокойно отдохнуть в своей тесной грязной квартирке, до которой никому нет никакого дела в этом большом городе.

7

Городская элита в массе своей предпочитала жить за городом, и лишь немногие из богатых, успешных и знаменитых обитали на самых престижных этажах небоскребов в центре. Мистер и миссис Винкерс любили тихую загородную обстановку, поэтому Джонсону, пребывающему сейчас не в лучшем финансовом положении, пришлось идти на центральный вокзал, откуда каждые час двадцать за город уходят электропоезд. А после получасовой поездки в холодном и шумном вагоне пришлось с четверть часа идти под еще более холодным и неприятным дождем. Поэтому перед воротами усадьбы Винкерсов предстала мокрая и дрожащая фигура детектива, проклинаящего все на свете.

Джонсон знал, что он сейчас не зря терпит все лишения, и его героический поступок будет вознагражден. Только поможет ли это вознаграждение в следствии, сдвинет ли увиденное и услышанное в усадьбе Винкерсов дело с мертвой точки – большой вопрос.

Ажурные кованые ворота были открыты, и прямо за ними стояла полицейская машина. У большого особняка, как мог разглядеть детектив сквозь струи дождя, стояло еще несколько машин, и среди них личный автомобиль инспектора. Что ж, другого Джонсон и не ожидал. Инспектор тоже здесь. И очевидно, что он в плохом настроении. По крайней мере, приезде детектива он будет рад меньше обычного. И уже через минуту Джонсон убедился в этом, встретившись с инспектором в холле роскошного особняка.

– Джонсон? – глаза инспектора, выражая крайнее удивление, живописно полезли на лоб. – Что вы здесь делаете, и откуда, черт вас побери, вы узнали о смерти миссис Винкерс?

Джонсон только улыбнулся, явно довольный недовольством инспектора.

– Не так важно, как я узнал и зачем я здесь. Важно другое. Не кажется ли вам, что четыре случайных смерти – это уже не случайность?

Инспектор беззвучно выругался, переложил сигару из одного угла рта в другой, и грозно посмотрел на Джонсона.

– Я не обязан ничего говорить вам. Тем более, делиться нашими предположениями о причине смерти миссис Винкерс. Вы просто частный детектив, поэтому займитесь своим делом – хотя бы разоблачайте неверных мужей. А это дело – не ваше!

Детектив снова улыбнулся. Последние пару месяцев никто не изъявил желание разоблачить неверного мужа, отчего Джонсон не сильно страдал, но денег это не прибавляло.

– Ну инспектор, – почти ласково произнес детектив с неизменной улыбкой – давайте не будем переходить на личности. Теперь я вижу, что это не мое дело, поэтому спешу покинуть вас.

Недовольство инспектора сменилось искренним удивлением – на его памяти детектив никогда не соглашался со словами инспектора и не покидал место преступления без препирательств, а, тем более, без насмешек. Поэтому удивление тут же сменилось подозрением – уж не хочет ли этот нахал обмануть полицию?

Но похоже, никакого обмана. Джонсон в знак прощания приподнял свою промокшую насквозь шляпу и вышел в дверь, вежливо открытую дворецким. Инспектор видел в окно, как детектив, кутаясь в свой плащ, быстро прошел через двор к воротам, и его фигура, размытая стеной падающей с неба воды, скрылась за поворотом. Инспектор снова удивился, но старался не показывать это своим подчиненным. Хотя все прекрасно понимали, что такое поведение детективу не свойственно.

Примерно через час полиция, забрав с собой тело несчастной миссис Винкерс, покинула особняк, оставив в нем расстроенных слуг и грязь на полу. Но как только за полицейскими машинами закрылись ворота, в особняке гулко раздался дверной звонок. Дворецкий был слыш-

ком занят, и дверь открыла молодая горничная, на лице которой отражались ее искренние переживания по поводу безвременной кончины хозяйки.

За дверью стоял насквозь промокший и дрожащий от холода Джонсон. Он улыбнулся, приветливо поднял шляпу, но не рискнул заходить в дом без приглашения. Горничная сразу узнала детектива, удивившись его возвращению.

– Мистер... Мистер Джонсон, полагаю?

– Да, он самый. – детектив держал шляпу в руках, и лицо его выражало такие страдания, что не могли не вызвать сочувствие в сердце молодой девушки.

– Прошу входите! Я видела, как вы покинули дом, что вас привело сюда снова?

Джонсон не мог вот так сразу выложить все, поэтому он решился на небольшой обман. Ну как, обман – легкое передергивание фактов в свою пользу.

– Понимаете, ужасная погода испортила все дороги, да и возможности поймать такси мне так и не представилось, так что на вокзал попасть я не смог. Дождь только усиливается, поэтому я вынужден был вернуться обратно. – Джонсон почти не слукавил на счет такси, хотя у него просто-напросто не было денег. – Но, если вы не можете хотя бы на полчаса впустить промокшего и озябшего служителя закона, я покину имение Винкерсов.

Слова детектива возымели действие. Через две минуты он уже сидел на кухне, а горничная – мисс Хейвуд – хозяйничала, готовя гостю чай. Промокшие насквозь плащ и шляпа Джонсона висели над печью, распространяя вокруг себя неприятный запах сырости.

– Скажите, мисс Хейвуд, а к миссис Винкерс вчера кто-нибудь приходил или приезжал? – рискнул задать вопрос детектив.

– О, да! У хозяев почти каждый день кто-то бывает – понимаете, все эти дела, они даже вечером и в уикенд не оставляют в покое. Поэтому здесь часто бывают разные люди. И вчера тоже, хотя и меньше – ведь мистер Винкерс в отъезде, а дела, в основном, ведет он. Какой это удар для него! Наверное, он даже прервет свою деловую поездку, и вернется из Европы – он так любил миссис Винкерс... – казалось, еще чуть-чуть, и горничная снова заплачет, хотя и предавалась этому занятию все сегодняшнее утро. – Но я уже рассказывала об этом полиции.

– Да-да, я знаю. Инспектор обещал показать мне материалы этого дела, – соврал детектив – но, видите ли, я вынужден прятаться здесь от непогоды, и визит в полицию я смогу сделать не ранее завтрашнего дня. Да и то – если внезапно не подхвачу воспаление легких! – в подтверждение этих слов Джонсон натурально покашлял, держась правой рукой за грудь.

Мисс Хейвуд, с жалостью глядя на детектива, сделала чаю, поставила на стол небольшую вазочку для варенья и блюдо с полдюжиной румяных булочек. Признаться, Джонсон был голоден, а поэтому, поблагодарив девушку за ее заботу, не торопясь съел пару булочек, обмакивая их в варенье. При этом не забывая задавать вопросы и слушать обстоятельные ответы горничной.

– Ну раз так, мистер Джонсон, я помогу вам. Вчера у миссис Винкерс было четыре посетителя. Часов в семь утра, когда хозяйка еще спала, приехал посыльный из офиса компании Винкерсов, он привез целую кучу бумаг, которые были незамедлительно доставлены в кабинет. Затем, уже после обеда, один за другим приезжали какие-то люди, которых я не знаю – по видимому, это партнеры миссис Винкерс. И, наконец, уже поздно вечером, когда вся прислуга была отпущена, приехала странная женщина...

Горничная на секунду замолчала, припоминая детали.

– Странная? – перестав жевать булочку переспросил Джонсон.

– Да... Понимаете, эта женщина не похожа на партнеров или клиентов миссис и мистера Винкерс, да и на посыльного она точно не похожа. Эта женщина – длинноволосая брюнетка, очень красивая, одетая во все черное, и в самое модное. Да-да, мистер Джонсон, поверьте мне как женщине – она была одета по последней моде, так не одевается... не одевалась даже хозяйка. Но ее лицо я не смогла хорошо разглядеть – оно было закрыто черной вуалью, как

будто женщина носит траур. Да, все это похоже на траур, но только очень красиво, мистер Джонсон!

Детектив с пониманием посмотрел на горничную. Он прекрасно видел, как одна симпатичная молодая женщина завидует другой из-за ее прекрасного внешнего вида. Эта загадочная женщина, наверное, была действительно красивой и необычной, раз так запомнилась горничной.

– И машина, на которой она приехала – продолжала мисс Хейвуд – это просто сказка! Черная, блестящая, самой последней модели, из тех, которые есть только у богачей. Но даже наш мистер Винкерс – любитель автомобилей, в его гараже сейчас стоит целая дюжина! – такой автомобиль еще не приобрел, потому что не может себе позволить. Представляете!

Джонсон представил. Да, действительно необычная особа. И что она делала у миссис Винкерс вчера ночью? Горничная, так увлекшись рассказом, совсем забыла о цели визита вчерашней брюнетки.

– Э-э-э... Мисс Хейвуд, а зачем женщина встречалась с миссис Винкерс?

– А разве я сказала, что хозяйка с ней встречалась? – всплеснула руками горничная. – Вовсе нет! Она просто вошла в дом, передала мне – а я открыла ей дверь, поэтому так хорошо все запомнила – черный бумажный пакет, в котором было что-то легкое и круглое. Знаете, мне показалось, что это были бобины с пленками. Ну, теми, на которых сейчас записывают музыку.

– Или сны... – задумчиво произнес Джонсон, обдумывая все только что услышанное.

– Да, детектив, или сны. Вы правы. Но мне показалось, что это, все-таки, был не сон.

– Почему?

– Ну, знаете, обычно сны записываются на таких небольших катушках. А то, что я нащупала сквозь плотную бумагу, было большим. Как бобины с музыкой.

– Очень интересно... А можете ли вы сказать, какие бобины были вставлены в сомно-пректор миссис Винкерс, когда ее... ее обнаружили?

Горничная на мгновение задумалась, и, наконец, присела рядом с детективом.

– А я и не знаю... Я не видела миссис Винкерс со вчерашнего дня, и сегодня я вошла в ее спальню уже после того, как в ней побывали полицейские. И, если я не ошибаюсь, сомно-проектор был не заряжен.

– А пакет? Вы не знаете, где тот пакет, который передала женщина?

– Знаю. Его забрала полиция – этот ваш инспектор долго его рассматривал, а потом положил в прозрачный пакет и отдал другому полицейскому.

– А эта женщина, она что-нибудь говорила вам или просила передать вашей хозяйке?

– Да, она сказала всего пару слов, что-то вроде «пакет для миссис Винкерс», вручила мне его и тут же вышла. Но знаете, я хорошо запомнила не только то, как выглядела эта женщина, но и то, как она говорила – у нее бархатный, очень приятный голос, немного надменный, но это и неудивительно для такой женщины. И вот что я вам скажу – эта женщина, должно быть, сводит мужчин с ума. Да вы если бы увидели ее, сами в этом убедились!

Джонсон почему-то не сомневался, что это так. А с другой стороны, он еще ни разу в жизни не видел женщин, которые могут свести мужчину с ума одним своим словом или взглядом. Кино и сны – не в счет, там все не по-настоящему, все выдумка сценаристов, режиссеров и подкрепленного стимулятором мозга продавцов снов. В жизни такое едва ли возможно. По крайней мере, Джонсон в это не верил.

Тем временем детектив выпил весь чай и съел булочки. Но особой радости это ему не доставило – полиция забрала самые важные улики, а после сегодняшнего визита в особняк Винкерсов инспектор вряд ли подпустит детектива даже на расстояние пушечного выстрела к главному полицейскому управлению.

– Спасибо, мисс Хейвуд, вы мне очень помогли. И булочки с вареньем – просто объедение!

Горничная искренне улыбнулась, да только далеко не факт, что она приложила усилия к приготовлению этих булочек – в доме Винкерсов просто не может не быть своей домашней пекарни и поваров, готовящих все эти вкусности. Но мисс Хейвуд была скромна и вежлива, и очень хорошо делала свою работу. Именно поэтому она была в курсе тех дел, что происходит в особняке и компании ее хозяев.

– Скажите, а могу ли я осмотреть спальню и кабинет миссис Винкерс? Да, полицейские там уже были и все осмотрели, и результаты их трудов я смогу узнать завтра. Но мне хотелось бы посмотреть на все лично.

Улыбка на абсолютно честном лице Джонсона снова сделала свое дело. Горничная, не забывая рассказывать обо всех благодеяниях покойной миссис Винкерс, отвела детектива сначала в спальню хозяйки, а затем в ее кабинет. И, к немалому удивлению Джонсона, супруги Винкерс предпочитали спать в разных комнатах, и у каждого из них в доме были свои кабинеты, расположенные в противоположных крыльях особняка.

Спальня была роскошной. Большая, светлая, с огромным окном, закрытым плотными занавесками, с умопомрачительной кроватью, застеленной шелковым бельем, и укрытой полупрозрачным балдахином. И стоявший рядом с кроватью сомнопроектор под стать всей обстановке дома – одна из самых последних моделей, в которой удобно спать и видеть сны. И в этом сомнопроекторе сегодня ночью от разрыва сердца умерла миссис Винкерс.

Но ничего, что помогло бы детективу, в этой роскошной комнате не было – все самое интересное полтора часа назад увезла полиция. Сомнопроектор, конечно же, был пуст. Хотя по-другому быть и не могло.

Ненамного интереснее было и в кабинете миссис Винкерс. Напротив окна стоял большой деревянный стол, на котором царил абсолютный порядок – во всей обстановке читалось, что столом владела женщина. Деловая, знающая толк в бизнесе и с хваткой. Джонсон со всех сторон осмотрел стол, заглянул во все ящички, полистал лежавшие на столе журналы и красивый перекидной календарь с шершавыми, будто сделанными вручную цветными страницами.

Ничего интересного. Календарь на протяжении последних двух недель был пуст, хотя страницы в нем каждый день прилежно перелистывались.

Джонсон заглянул под стол, и его внимание привлекла самая обычная плетеная урна, наполовину заполненная мятыми бумагами и каким-то мелким мусором. Но в ней было кое-что интересное – тонкий обрывок черной бумаги.

– Мисс Хейвуд, а куда вы положили тот черный пакет?

– Когда приехала та женщина, хозяйка как раз находилась в кабинете. Поэтому я отнесла пакет сюда и положила на этот самый стол. Но что с пакетом сделала миссис Винкерс – я уже не видела.

А что было дальше – догадаться было несложно. Миссис Винкерс, получив пакет, вскрыла его тут же, в кабинете, а уже затем ушла в свою спальню, смотреть сон. И умереть в этом сне. Недотепы-полицейские даже не додумались порыться здесь. Инспектор, похоже, все еще отказывается верить, что имеет дело с убийствами, а не со случайным стечением обстоятельств. Хотя... Детектив и сам не был до конца уверен в том, что кто-то убивает богатых и знаменитых.

Джонсон вытащил этот обрывок черной бумаги – миссис Винкерс вскрыла пакет, оторвав от одного из его торцов тонкую полоску. Странно, обычно люди, часто получающие почту, используют для вскрытия конвертов специальный нож. И такой нож лежит на столе. Значит, пакет был необычным. Да, он был запечатан не так, как обычный конверт. Хотя это, похоже, не так важно.

Неожиданно детектив почувствовал легкий аромат – свежий, приятный, с нотками каких-то цветов. Он не разбирался в духах, но этот запах, почему-то, рождал в мозгу образ цветов с белыми лепестками, растущих где-то в горах, и имеющих легкий, едва уловимый аро-

мат... Пахло очень приятно, а этот аромат исходил от того черного обрывка пакета, что Джонсон держал в руках.

– Пахнет. Приятно пахнет, не находите, мисс Хейвуд?

– Действительно, приятно. Это, между прочим, очень дорогие духи, я точно знаю. Это аромат той женщины, что привезла пакет!

Духи. Дорогие духи, дорогой автомобиль, дорогая одежда. М-да, действительно, странная, необыкновенная женщина доставила роковой пакет миссис Винкерс. Даже странно, что такая женщина служит посыльным. Или не посыльным?

– Ни имени, ни номера машины этой женщины вы, конечно же, не запомнили? – заранее зная ответ, спросил детектив горничную.

– Нет... Своего имени она не назвала, а номера автомобилей, останавливающихся за воротами усадьбы, отсюда увидеть невозможно. Но знаете, таких машин в городе немного!

Детектив не сомневался, что во всем городе таких автомобилей немного. Но даже их найти – не так-то просто, черт возьми!

Джонсон еще с четверть часа осматривал кабинет миссис Винкерс, но, дабы не опоздать на электричку, и не оказаться за городом – хоть и в элитном квартале, но, все-таки, за городом! – ночью, он распрощался с мисс Хейвуд, и покинул особняк. На улице все так же лил дождь, и конца ему не было видно. Плащ и шляпа детектива не успели высохнуть, так что путь домой не был легкой и беззаботной прогулкой.

Но детектив не расстраивался, а, напротив, улыбался, хотя сумрак и скрывал эту улыбку на отстраненном лице. Джонсон узнал о странной женщине, и во внутреннем кармане лежал аккуратно сложенный клочок плотной черной бумаги, хранящий ее прекрасный, манящий, волнующий аромат...

8

Джонсон почти трое суток бегал по городу, забывая поесть и поспать. Но, несмотря на накопившуюся усталость, он в одной майке и трусах сидел за столом в своей тесной комнатке. Настольная лампа освещала испещренные мелким корявым почерком листки блокнота, черную бумажную полоску, все еще хранящую аромат незнакомки, и полную окурков пепельницу. Детектив думал, иногда делая пометки в блокноте сточенным наполовину карандашом.

Было далеко за полночь. Никогда не гаснувшие огни большого города подсвечивали окно, призывая выйти на улицу, слиться с веселой толпой, предаться ночным развлечениям. На гладком стекле замерли капли недавнего дождя, и они, отражая неоновый свет, рисовали удивительную картину, способную указать место всем тем новомодным художникам-модернистам, заполонившим своими каракулями все улицы, квартиры и музеи.

Ночь, тишина и сигареты помогали детективу думать. Но материала для размышлений, того материала, на котором можно было бы построить правдоподобную версию происходящего, было слишком мало.

Детектив бросил карандаш, похоронил очередную сигарету в переполненной пепельнице, придвинул к себе телефон и быстро набрал номер. Целых пять гудков ничего не происходило, и на том конце провода, казалось, на звонок Джонсона не собирались обращать никакого внимания.

– Да, слушаю. – в трубке, наконец, раздался хриплый и сонный голос инспектора.

– Доброй ночи, инспектор!

– Джонсон?! Это опять вы? Какого черта вам надо?!

– Простите инспектор, если я вас разбудил или как-то потревожил своим звонком в столь поздний час. Но вы же знаете, что мне физически необходимо слышать ваш голос хотя бы раз в неделю! Это стимулирует мозг и помогает принимать правильные решения.

– Бросьте свои шутки!..

– Да какие там шуточки! – перебил инспектора Джонсон. – Я вам звоню по серьезному делу. Вы знаете, по какому.

– Опять за свое... – устало произнес инспектор. – Нет здесь никакого дела. И не будет.

– Я бы не был так уверен. Вы уже знаете про незнакомку в черном?

В трубке наступила тишина. Инспектор то ли вспоминал, то ли просто не хотел отвечать.

– Какую незнакомку, черт возьми?!

– Ту самую, что побывала у каждого из уби... простите, умерших в день их смерти.

– Что? Что вы несете, Джонсон? Что опять за фантазии?

Да, полиция еще не в курсе, что дорогой черный автомобиль был замечен рядом с домом у каждого умершего. Точнее, Джонсон думал, что у каждого – покойный мистер Бигль не любил показывать свое богатство, жил тихо и, можно сказать, скромно (с приходящей горничной и без постоянной прислуги) на семьдесят третьем этаже «Эмпайр Биг Хауза». Там ежедневно паркуются сотни дорогих автомобилей и бывают сотни роскошных дам с роскошными ароматами, и кто из них принес злополучный черный пакет – узнать почти невозможно. А мучить портье гипнозом, вытаскивая из закоулков сознания воспоминания того дня – это не метод Джонсона. Но детектив почти не сомневался, что и у мистера Бигля вечером побывала незнакомка в черном.

Так что не зря Джонсон побегал по городу. Он снова был на шаг впереди полиции. Правда, на этот раз игра была нечестной – полиция в ней просто-напросто не участвовала. Или делала вид, что не участвовала.

– А вы и не знаете? Чудесно, просто чудесно!

– Оставьте свой сарказм кому-нибудь другому. – Инспектор немного помолчал, и заговорил совсем другим голосом. – Я и сам не хуже вашего вижу, что здесь творится какая-то чертовщина. Именно чертовщина, мистика, необъяснимое! А мистика – это не профиль полиции, домыслы таких людей, как вы – не повод открывать дело об убийстве. Вы думаете, мы сидим сложа руки? Ошибаетесь! Я лично консультировался у специалистов, у врачей и сомнологов, и знаете, что они сказали?! Они просто подняли меня на смех! Меня, инспектора полиции этого города! На смех! Понимаете, к чему я веду? Бросайте это, здесь нет и намека на убийство. Это просто жуткое, необъяснимое, фантастическое стечение обстоятельств. Это даже не совет, а моя личная просьба. Прощайте, Джонсон, и прекратите названивать мне по ночам.

– Доброй ночи, инспектор. Но я не уверен, что это случайность... – последние слова услышали только гудки в телефонной трубке.

Значит, инспектор думает, что в этой череде смертей что-то неладно. Но то, что этому нет никакого рационального объяснения, заставляет его обходить это дело стороной, не давать ему официальный ход. Оно и понятно – если инспектор начнет копаться в не имеющей объяснение мистике, он просто потеряет свое место.

Джонсон снова закурил, и сизый табачный дым своим неприятным запахом скрыл едва уловимый, но чертовски приятный аромат, исходивший от черной полоски. Это были действительно хорошие и дорогие духи, детектив смог отыскать их в парфюмерном магазине в самом центре города. Но эта находка несколько не помогла выйти на след незнакомки – духи пользуются определенной популярностью у городской элиты и богемы, шлейф их аромата может виться у сотен, даже у тысяч женщин.

Значит – тупик? Возможно. А возможно, что нужно просто отдохнуть. Пожалуй, нужно просто отдохнуть.

9

... Телефонный звонок пробился сквозь стену, разорвал сон на куски и выбросил детектива в реальность. В окна били лучи рассветного солнца, пробуждая город, и провожая тех, кто всю ночь кутил, прожигал жизнь, бес счета тратил деньги и здоровье. Телефон звонил давно, и если бы не сползший шлем сомнопроектора, то Джонсон его и не услышал бы.

– Да...

– Джонсон? Ну наконец-то! Полночи тебе звоню. Ты там спишь? Давай ко мне, я тебе кое-что покажу! Только быстро!

Быстрая речь Тима окончательно разбудила Джонсона, спавшего всего два или три часа. Голос в трубке был слишком веселым, чтобы сообщать о какой-нибудь ерунде. Чувствовалось, что Тим хочет рассказать о чем-то действительно важном.

– Что случилось?

– Тут такое, такое!.. Н-нет, ты давай, приезжай, я тебе все расскажу и даже покажу!

– Хорошо, дай мне полчаса.

– Поторопись!

Джонсон буркнул «хорошо» и повесил трубку. Уже через десять минут он трясся в вагоне монорельса, до отказа набитого спешащими на работу людьми. Детектив не привык в такое время разезжать на общественном транспорте, предпочитая показываться на улице после утреннего часа пик, но сейчас выбирать не приходилось. И целую четверть часа он, сдавливаемый со всех сторон телами, стоял на одной ноге, не найдя между чужими ногами место, где поставить вторую. И если бы ни эта неудобная поза и затекшая рука, которой детектив все время держался за поручень, то поездка могла бы считаться вполне комфортной.

Наконец, Джонсон добрался до места. Как на зло, лифты в здании ремонтировались, поэтому до лаборатории Тима пришлось пройти с десятков этажей пешком. Дверь была открыта, за ней встречали тишина и неизвестно откуда выскочивший Томми – собака Тима, совсем молодой кобель таксы, недавно попавший под машину, и лишь чудом оставшийся в живых.

– Томми, Томми, ко мне, чертяка! – детектив присел на корточки, подзывая к себе собаку. Та, узнав Джонсона, радостно побежала к нему, хотя это получалось с трудом – Тим, спасая животное, умудрился заменить его раздробленную переднюю лапу на механическую, залатать череп, и сделать совершенно новый хвост. Теперь Тим был не простой таксой – его лапа, хвост, половина черепа и ухо отливали никелем и придавали собаке совершенно фантастический вид.

– Хороший, хороший! Тебе не больно? Ты, смотрю, уже совсем здоров. Научился пользоваться лапой? Вижу, научился, молодец!

Джонсон гладил Томми, а тот неуклюже вился в ногах, стараясь показать, как же он сильно любит детектива. Механическая лапа и хвостик, похожий на стальную змею, при сгибании издавали непривычные шипящие звуки и клацали по полу, но собака, кажется, к этому уже привыкла.

– Ты чего так долго?! – Тим, услышав разговор детектива с собакой, выглянул из соседней комнаты. – Быстро иди сюда!

– Тим, да ты уже скажи, что там? Я не телепат, мысли читать не умею, особенно с жуткого недосыпа. – Джонсон снял плащ и шляпу, и уже было прикинул, но Тим его остановил.

– Курить некогда, иди сюда!

Детектив, не говоря ни слова, прошел к Тиму, и, увидев самый обычный сомнопроектор, остановился.

– Сомнопроектор?

– Да, он самый! Давай, садись, я тебе покажу сейчас, что это за сомнопроектор!

Детектив, не споря с Тимом – это сейчас бесполезно! – сел в кресло. Тим быстро накинул на него шлем, нацепил на запястья браслеты с датчиками, отрегулировал наклон, нажал несколько кнопок на стоявшем рядом ящике. Там что-то загудело, тусклыми оранжевыми точками засветился накал ламп, и Джонсона тут же стало клонить в сон.

– Тим, что за чертовщина?..

– Да ты не волнуйся, мне не хочется ждать, пока ты сам заснешь, поэтому я тебе немного помогу.

– Но Тим!.. – едва успел произнести Джонсон, но не смог. Его окутала тьма, тело обмякло и стало ватным, голос Тима и шум приборов все стихал, уносился куда-то прочь, тускнел... И детектив не осознал, не понял того момента, когда он, сидя в кресле сомнопроектора, провалился в глубокий сон.

...Сумрачная комната, казалось, целиком убрана в бархат бордовых и красных оттенков, и только мягкий ковер, нога в котором утопала по самую щиколотку, был не красным. Да, не красным, и не бордовым – черным, иссиня-черным. Черт возьми, при чем здесь ковер? Такой мягкий, такой теплый, такой приятный...

– Тим! Тим! Ну где же ты, мы скучаем!

Приятный женский голос. Приятный и эротичный. С ноткой неприкрытой похоти. Это возбуждает. И даже заставляет забыть об иссиня-черном, до жути приятном ковре.

– Тим, ну иди же к нам! – зовет другой женский голос, тоже полный эротизма и страсти.

Тим не знал, куда деваться. А деваться было некуда: между бордовыми портьерами виднелась полоска света – это, по-видимому, дверь, из-за которой раздаются эти ласковые, поистине райские голоса. Тим, уже взвинченный до предела, на негнущихся ногах двинулся к этой двери, чувствуя, как тело пронзают волны озноба.

За толстыми портьерами находится небольшая комната, освещенная красноватым светом двух настольных ламп. И прямо посреди этой комнаты стоит большая, роскошная, сделанная из чистейшего золота, убранная в драгоценные шелка кровать. А на кровати – три умопомрачительные красотики, облаченные в полупрозрачные кружева. Блондинка, брюнетка и рыжая. Одна в белом, другая – в черном, третья – в красном белье.

Тим влюбился. Сразу во всех трех. С первого взгляда и до конца жизни. Они сводят с ума, одними изгибами своего тела заставляют трепетать и мечтать о близости. Блеском в глазах вызывают дрожь, а влажные губы, с таинственной улыбкой шепчущие непристойности, вводят в экстаз без единого прикосновения.

Тим не помнит, как оказался в объятиях этих трех девишек. Они любили друг друга, они любили Тима, они доставляли нечеловеческое удовольствие, вознося в самые небеса, бросая на землю, и снова вознося на вершины божественного наслаждения. Тим не помнил, сколько это продолжалось, но сколько бы времени не прошло – оно было тем настоящим счастьем, которым ему всегда не хватало.

Три девишки – это великолепно, но и они могут утомить плоть. Поэтому в какой-то момент Тим просто упал на пол, раскинувшись на мягком, иссиня-черном, оглушительно приятном ковре, едва не утонув в нем. Внезапно мир, убранный в бордовые и красные оттенки, потускнел, звуки стали глухими и гулкими, будто утонувшими в вате. Мир покачнулся, вздрогнул и утонул в крошечной тьме, оглушив Тима своей вечной пустотой...

... – Что это?! – Джонсон, оглушенный всем только что увиденным, подскочил с кресла сомнопроектора. – Тим, что это?!

Тим, наблюдая за реакцией друга, только улыбался, наматывая конец пленки на небольшую катушку.

– Как что? Ты только что был мной. Ты разве не понял?

– Я-то понял! Но как?!

Наконец, до Джонсона дошло, что с ним только что случилось. Только сейчас он окончательно проснулся, осознав всю мощь сделанного Тимом открытия.

– Ах ты мой гений! – радостно вскричал Джонсон, заключив в свои объятия щуплого ученого. – Ты, все-таки, смог это! И теперь я люблю тебя еще больше!

С лица Тима не сходила смущенная улыбка, и он поспешил вырваться из рук детектива. А Джонсон, вдруг, напротив, перестал улыбаться и отпустил друга.

– Слушай – почти прошептал он, прищурился и наклонив голову, – а то, что ты мне сейчас показал – это твой сон, да? Ох, Тим, ну и пошлятину же ты смотришь! Я чуть было со стыда не сгорел. Но что я вытворял с этими красотками! Ух, Тим, что я там вытворял!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.